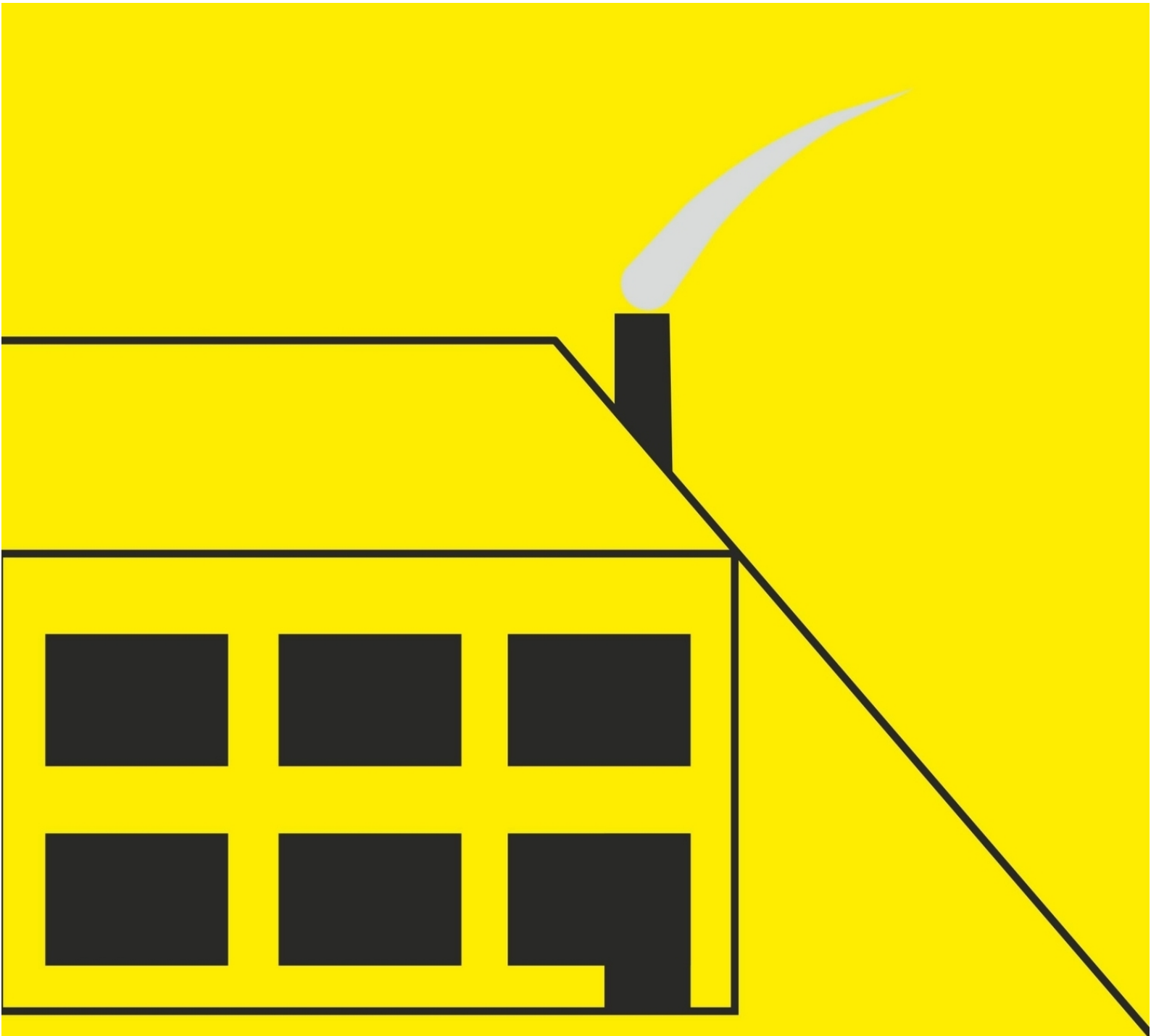

иван калашников

история довоенного донбасса в символах

дом с привидениями

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иван Калашников

**История довоенного Донбасса в
символах. Дом с привидениями**

«ЛитРес: Самиздат»

2006

Калашников И.

История довоенного Донбасса в символах. Дом с привидениями /
И. Калашников — «ЛитРес: Самиздат», 2006

События, описанные в повести, происходят в Донецке в начале 2000-х годов. В первой части повести рассказывается о том, как Максим и Маша, старший брат и младшая сестра соответственно, столкнулись с проблемой места проживания в большом городе. В результате им достаётся дом рядом с городским парком, в котором живут привидения. Действие второй части развивается всё в том же доме. Главный герой только что потерял свою любимую, на которой женился совсем недавно, и, собственно, вся повесть — это его переживания и ожидание некоего мистического бала с загадочными гостями...Содержит нецензурную брань.

© Калашников И., 2006

© ЛитРес: Самиздат, 2006

Содержание

Часть I. За пределами Москвы	5
I	5
II	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Часть I. За пределами Москвы

I

Иногда кажется, не было никаких перемен в действительности, некому было объявить о свободе, равенстве, братстве и производных, никто не хотел заниматься подобными глупостями. Неуклюжий художник, – нет, не брался за производство нового полотна, – просто разбрызгал яркие краски на плоскости бытового порядка, а какой-то пройдоха, что называется, наколотил понтов, успешно используя иностранные инструменты. Бутик. Ты это серьёзно? Кажется, был смысл отправиться по бездорожью в провинцию, чтобы в бывшем здании сельпо с заколоченными окнами, открыть заведение – бутик. Там и налоги поменьше, и публика поизысканнее. И незачем портить своим пятном центральную улицу города. Старания тщетны, средства растрочены бесцельно. Такое же пятно можно отыскать два раза в неделю в семейной постели.

Не было никакого объявления о свободной торговле. Никто не разукрашивал центральных улиц. Почему проще отрицать, чем соглашаться? Неужели нами движет обыкновенная зависть, – бутик-то, прости Господи, не наш, нас не звали колотить понтов, и, переступив его порог, мы будем чувствовать себя глупо, – так же, как и владелец бутика в здании сельпо с заколоченными окнами.

Всё гораздо сложнее. Пёстрые пятна никогда не повторяются. Всё, что их объединяет – высота над уровнем моря. Владельцы квартир на первых этажах рискуют в один прекрасный день стать сказочно богатыми. Мимо прошёл неуклюжий художник. А глаз с детства привык видеть периодически повторяющиеся элементы. Здесь была аптека. Через несколько десятков шагов, в точно таком же здании, с таким же крыльцом, дверьми и окнами, – кухня детского питания. Ещё дальше – ателье мод. Ещё – книжный магазин. Сотрите все ваши пёстрые пятна, верните мне моё книжное детство...

Нет, нигде больше этого нет. Куда ни сунься – везде одно и то же. В метро из-за рекламных щитов невозможно разглядеть таблиц с названиями станций, таблиц, намертво вмонтированных в стены. Из города в город – одно и то же, разное, быть может, только количество центральных улиц, а так – муравейник, муравейником, прав был старина Джером К. Джером...

– Мы не прячемся на зиму, – сказала Сима.

– Что? – переспросил Максим.

– Муравьи на зиму прячутся под землю. А мы – нет, – девушка смотрела на него почти с вызовом, ожидая возражений, любого повода для спора.

Макс пожал плечами.

– Вон, в Москве можно полжизни под землёй провести, – с видимым разочарованием продолжала Сима. – Из дома – в метро. По подземному переходу – в офис.

– Офисов под землёй не бывает.

– Не в офис – в здание, где офис снимают, – оживилась Сима. – Оттуда, из подвала – на лифте уже в офис...

– В офис лифты не ходят, – Максим говорил машинально, как если бы исправлял постоянно повторяющиеся ошибки надоевшего ученика.

– Ну, не в офис, а на этаж. А там уже пешком, по коридору, в офис...

К увлеченному своими мыслями Максиму девичье пустозвонство доходило не сразу. Он медленно перевёл взгляд на Симу, так же машинально поинтересовался:

– И откуда ты всё это знаешь?

– Денис рассказывал, – с готовностью сообщила она. Второй месяц, как в конторе работает.

С Денисом такая штука приключилась: когда он в Москву отправлялся, то нисколько не скрывал своих истинных намерений, открыто заявлял, что хочет переспать с Лилией Подкопаевой. Понимали его не сразу, то есть, желание Дениса было понятно: стройненькая, гибкая Лилия, и мордашка ничего, но Подкопаева-то здесь, а Москва – вон где. Денис всё давно уже продумал. Здесь он – никто. Он и в Москве, в общем-то, никто, но там, если не славу, то деньги можно сделать наверняка. В Москве делаются деньги, возвращается Денис сюда, – и делает себе имя, то есть славу, Лилия Подкопаева в постель сама к нему и прыгнет...

Так рассуждал наивный Денис Бекмамбетов, вплоть до посадки на поезд, на «девятку». Москва – не единственный большой город. Уехал человек, – и забыли его, если не сразу, то через некоторое время. Через некоторое время Денис вернулся с деньгами, как и обещалось. Только деньги те были добыты таким путём, что громкое имя Денису светило только в узких кругах определённой сексуальной ориентации, или же в широком обществе, но под соответствующим углом. В педерастической Москве мальчик прошёл по всем рукам, в какие успел попасть. Там, говорят, в пидарасах, даже дворники числятся. Как «голубой» хвост слухов за Денисом сюда из Москвы приплёлся – вопрос. Но не его собственными усилиями, нашлись доброжелатели-консерваторы, противники однополрой любви. Планета у нас маленькая, все друг друга знают. И вернулся Денис в родные края, когда понял, что задницей торговать, что здесь, что в Москве – Лилии Подкопаевой ни за что на свете не дождёшься. Купил себе квартиру, ларьки какие-то продуктовые, – каждую неделю шлюх заказывает, даже к бывшим подругам не суётся, понимает, что никто теперь в его натуральность не поверит...

– Сима, кто это идёт, от станции, через парк – Антон?

– Я тебе что, телескоп? – обиженно произнесла девушка.

Стерва. Слепая стерва. Макс и сам через некоторое время узнал друга, выскочил на крыльцо, простоял недолго, – двадцать градусов ниже нуля, а у него ни шапки, ни перчаток. В конторах Максима принимали за автолюбителя; с мороза заскакивает, уши трубочкой сворачиваются, волосы буквально звенят, а ему навстречу: «Ты где припарковался?».

Максим готов был поклясться, что билеты в Москву Сима могла узнать на любом расстоянии. Щекой он чувствовал её завистливый взгляд, вполуха слушая сбивчивую болтовню Антона. Плацкарты нет, только купе, – врёт, всё врёт старый добрый друг, наверняка в кассах билеты были и в плацкартные вагоны, и даже в общие, если подобное встречается в пассажирских поездах. Выделялся Антошка, не для других, самому себе хотел доказать, что не приспособлен к дискомфорту, а вспомни, мой старый добрый друг, как в течении месяца мы топали пешком, весь троллейбусный маршрут номер девять, от начала до конца, от аэродрома к роддому, – и не было никакого дискомфорта, один сплошной комфорт дистанцией в десяток, если не больше, километров...

– Оденсья потеплее – там морозы, – серьёзно советовал Антон, дыханием пытаясь согреть ладони.

– Ну да. А здесь – пальмы цветут, – не менее серьёзно согласился Макс. – У нас двадцать, там – двадцать пять. Невелика разница.

– Двадцать пять – не предел. Зато у нас на коньках кататься можно.

– При двадцати пяти нельзя? Только при двадцати? – уточнил Максим.

– Дурень. Там тротуары раствором специальным посыпают.

– Говном там тротуары посыпают...

По рукам соратников одно время ходил какой-то список, перечень, обязательных вещей для плодотворной поездки в Москву. Тот список попал однажды в руки Максиму, – и поверг в ужас. В качестве обязательных компонентов там упоминались зубочистки (можно пластиковые, но чтоб позолоченные) и пелевинское «ГП». Уникальный перечень. Наверняка у Антоши

уже упакован багаж, в соответствии с тем списком. Максиму было проще: каким бы дальним не было его путешествие, в дорогу он брал с собой всё. Практически всё...

Сколько он ждал этого момента, когда всё, практически всё, можно будет упаковать в одну большую сумку, не беспокоясь о расположении в ней вещей, не останавливая прощального взгляда ни на чём, лишь на собственном отражении в зеркале. Увидимся в Москве. Провожаящие отсутствуют, никаких телефонных звонков, провожание отрицается в любой форме, даже телефонной. Все приметы соблюдены, если есть желание, – выкрикни в окно: «Будь ты проклята, малая, индустриальная родина!!!». Говорят, помогает, перед дальней дорогой.

Сколько он ждал этого момента, когда ему станет совершенно наплевать на всё, что происходит на этом маленьком густонаселённом клочке земли, и проблемы, за короткий промежуток времени ставшие обыденными, – поздние возвращения подруги, с которой жил, упреки в безденежье, нарекания за опоздания на работу, бесчисленные «пробки» на улицах, центральных и не очень, – всё это отнюдь не исчезнет, просто станет чужим, и ему уже принадлежать не будет.

Подобные размышления сожрали остаток дня Максима. Чем ближе подкрадывалась полночь, а за нею – время сна, тем ненавистней становились элементы убогой, как ему представлялось, его теперешней жизни, – за пределами Москвы, – а впереди ждала неизвестность матового оттенка, пьянящая, много раз кем-то повторённая и сыгранная, когда чужой какой-то голос Риты бесцеремонно объявил в его ухо:

– Проснись, звонит твоя сестра...

Странно, во сне предчувствие перемен, – только хороших, одних только положительных, – не оставило его. Сонно улыбаясь, в холодное тело телефонной трубки Макс произнёс:

– Здравствуй, Маша. Что случилось?

– Это не Маша, – сказала трубка голосом совсем не сонным, а холодным и раздражительным, под стать телефонной трубке...

На большой голубой планете Земля (нечего ехидничать относительно сексуальных ориентаций, из космоса она действительно голубая, я видел это много раз в своих снах), было большое государство. В государстве были города, – большие и маленькие. И в тех и в других жили люди, рабочие и служащие, дети и пенсионеры, студенты и солдаты, – не было только наркоманов и миллионеров. Для людей строились дома, проводили телефоны и горячую воду, писались книжки и производились товары лёгкой, тяжёлой, и пищевой промышленности. Дети ходили в ясли, детские сады и школы. Студенты учились в вузах. Солдаты служили в армии.

Несколько раз в году люди праздновали разные праздники, выходили на улицы в праздничные демонстрации. Либо сидели дома за праздничными столами. Люди дарили друг другу подарки и поздравляли друг друга, говоря разные пожелания.

Летом люди обычно где-нибудь отдыхали. Они уезжали на море или в лес, в деревню, или к родственникам, или в дома отдыха. Дети уезжали в пионерские лагеря.

В двух предыдущих абзацах начисто отсутствуют грамматические, орфографические и пунктуационные ошибки. Боже, как просто написать всё это, – без ошибок, – и как сложно сделать. Даже с ошибками, того, что было сделано для рабочих служащих, студентов и солдат, – однажды не стало, – и вот тогда появились миллионеры и наркоманы...

Максим совершенно не помнил своего раннего детства. Очевидно, всё там было радужно и прекрасно, поскольку в год своего десятилетия, словно невидимый волшебник устроил для него установку огромного зеркала, в котором действительность, окружавшая ученика четвёртого класса, отобразилась с точностью до наоборот. Мать Максима животом с двухмесячной беременностью растолкала очередь к какому-то первому секретарю, и выбила из него ордер на новую квартиру. Огромная квартира стала полем для экспериментов, но этому предшествовали гулкая четырёхкомнатная пустота: мебель из двухкомнатной квартирки растерялась

в таких внушительных объёмах, и только кухонный гарнитур, более или менее ощущал себя на своём месте.

Четыре комнаты для семьи из четырех человек, – совсем неплохо для молодой матери...

– Вот, полюбуитесь, – Анна Александровна картинным жестом распахнула обе створки платяного шкафа. Макс вспомнил, как когда-то таким же жестом она предъявляла семейную реликвию, – норковую шубу, доставшуюся ей в наследство. Собственно, и теперь Анна Александровна демонстрировала ту же шубу, только с немаленькой прожженной дырой, сделанной в том самом месте, где у носительниц шуб обычно расположена задница. Задница была также не маленькой, – и как раз совпадал форматом со свежепрожжённой дырой.

– Может она спичками как-то? Или свечой? – продолжала Анна Александровна. – Пылесосила тут, дверцы случайно приоткрыла, чую, – дымит...

– Вы пылесосили в два часа ночи? – искренне удивился Максим.

Гневно сверкнув глазами («Какое это теперь имеет значение?!»), Анна Александрова хлопнула дверцей, вызвав весёлый пепельный вихрь.

– Вечером пылесосила, дверцы починить давно надо, времени нету, и некому...

Похабная квартирка, как сказал бы гражданин Полиграф Полиграфович. Похабная и отчасти бестолковая: в своё время, в шестнадцатиэтажном доме планировали расположить по одной квартире на этаж, когда поняли всю неуклюжесть сей затеи, раскроили на несколько частей, самым что ни на есть варварским образом. Спальня (родительская) через узкий холл сопрягалась с другой комнатой (детской)...

– Вы двери на ночь не закрываете? То есть, двери спальни? – спросил Максим.

– Нет. У нас тепло, топят хорошо, – недоумённо ответила Анна Александровна.

Зевая, едва ли не ежеминутно, Макс пустым взглядом осматривал дом, где не нашлось места для его младшей сестры, где каждый предмет был приготовлен для её расправы, нуждался в срочном огненном уничтожении.

Макс понимал, как всё это происходило.

Он понимал, зачем Маша всё это делала.

Он только не знал, как это можно остановить...

– Она встала поздно ночью, не зажигая света...

– У нас всегда в коридоре горит светильник, – перебила его Анна Александровна. Макс рассеянно кивнул.

– Значит, видела, что шкаф раскрыт. Я же говорил вам: нельзя оставлять раскрытыми двери – и шкафа, и комнат, и ванной, и тумбочек...

– Это мой дом, – тоном боярыни Морозовой заявила Анна Александровна. – Где хочу – там и раскрываю...

– Вас никто не принуждал пускать Машку.

– А кто её пустит? Кто? Одна-одинёшенька, некому плечо подставить, некому приютить, обогреть.

– Она не одна на белом свете, – довольно резко произнёс Максим.

– Ну да, как же, братец-проходимец, ни копейки за душой, – с нервным смешком отозвалась хозяйка похабной жилплощади.

– Где она сейчас? – спросил Макс, глядя в ослеплённое зимней ночью окно.

– Не знаю. Саша за ней поехал. На машине...

Марка и цвет автомобиля названы не были, должно быть потому, что Максиму всё это было давно известно.

Не шнурюя туфель, он выскочил на пустынную и сумрачную лестничную площадку. В ожидании лифта возился с пальто, вспоминая какую-то забытую деталь, как всегда забываешь в общении с неинтересным собеседником. Возвращаясь к двери, за которой притаилась испорченная пирокинезом шуба, он едва не упал, наступив на шнурок. Анна Александровна,

казалось, выглядела ещё хуже, постаревшей и измотанной. В душе Макса проснулось что-то похожее на жалость, он даже намеревался выдумать какую-нибудь другую причину (зажигалка на каминной полке, книга на журнальном столике в гостиной, расчёска в прихожей перед зеркалом), но, отбросив всё, что было похожее на жалость, он сказал:

– Вы были совершенно правы... Я имею в виду, – ни копейки за душой. Новой шубы я вам не куплю, старую не почию...

– Ладно, уж...

– Извините, я не закончил, – на секунду прикрыв глаза, Максим восстановил в памяти образ своей младшей сестры, и уже без прежней уверенности завершил:

– Она никогда не делала этого просто так...

...только мусора, быть может побольше, да работающих фонарей поменьше, но это убойное сочетание и подчёркивает критические дни, какие выпадают в отдалённых районах больших городов практически ежедневно.

Макс не пытался припомнить правила поведения в подобных местах, как не стал выкрикивать имя младшей сестры в застывший при двадцатиградусном морозе мир. Хрупкий, различимый на фоне одинокого освещённого окна девичий силуэт, с трудом можно было отличить от стволов голых деревьев, что стояли вокруг. Таксист пристальным взглядом проводил удаление Макса из салона автомобиля, но двигателя не заглушил, дверь только прихлопнул поплотнее, и выключил блатную FM-волну, почувствовал, должно быть, что в середине пустынного двора, местами украшенного скудным снегом творится что-то более значительное, нежели обыкновенный пьяный обывательский дебош.

– Пойдём, – сказал Макс.

Маша не ответила. Она смотрела в одиноко освещённое окна многоэтажного дома, за которым не так давно закончилось её детство...

За свою маленькую жизнь Маше удалось однажды увидеть Москву.

Ребенком мама возила её в белокаменную столицу, на какой-то симпозиум профессоров, по рекомендации, через одну из лучших подруг, и там им выдали какой-то диплом, и в газете «Аргументы и Факты» напечатали заметку о чудо-девочке, обладающей уникальной способностью поджигать вещи своим взглядом. На газетном снимке Маша получилась чересчур угрюмой и мрачной, отчасти потому, что во время съёмки действительно угрюмилась, отчасти потому, что в типографии переборщили с краской. Московские события хранились в семье за семью печатями, никто так и не узнал, что удалось поджечь Маше ради получения диплома. Имя человека, открывшего редкий дар в девочке, газета обошла молчанием...

Старший ребёнок всегда испытывает банальный дискомфорт, когда очевидным для него становится отсутствие монополии на родительское внимание. Максим и сам был тогда ребёнком, – слишком послушным, чтобы на него нельзя было взвалить заботы о младшей сестре. Он рос домашним мальчиком в доме, где родители были большой редкостью. Во младенчестве ему подсовывали родительский паллиатив в виде двух ба-бушек и одного дедушки. Маше повезло ещё меньше, потому что ей подсунули старшего брата.

В тот чудесный осенний вечер, ещё по-летнему тёплый, без признаков опасности, Макс находился в квартире с младшей сестрой, которой едва-едва исполнилось полгода. Как всегда, он боялся пустой квартиры. Как всегда, не мог ничем себя занять, в комнате, за короткий срок трижды поменявшей название («библиотека», «кабинет», наконец, «девчачья»), валялась масса раскрытых книг, которые четвероклассник всё брал-ся прочесть, да отвлекал необъяснимый шум то в родительской спальне, то в ванной комнате, то на балконе. Капризы сестры Макс воспринимал мелкой, незначительной помехой в ожидании родителей (папа – на работе, мама – на курсах). Машка чувствовала его машинальность, в его руках успокаивалась не сразу,

ревела в его шерстяной свитер, за шесть месяцев успев основательно обслюнявить оба плеча старшего брата.

Очередных два такта музыки, начисто лишённых музыкальных интонаций. Оставив в манеже недоняченную сестру, Максим отправился для выяснения обстоятельств. Сухие губы, влажные ладони, он оставил отпечаток на обоях, как всегда, не сразу отыскав выключатель. Вещи, застигнутые врасплох электрическим светом, прекратили своё движение. Взамен пирокинза Господь мог подыскать что-нибудь попрacticalнее, например, дар ясновиденья. Мало кто тогда увлекался Стивеном Кингом. Это горит выключатель. Это горит электропроводка. Всё равно, что горит, в любом случае, что-то связанное с электричеством, Максим помнил этот запах, такой запах был, когда у них на кружке в СЮТе расплавился выключатель.

Это горела пластмасса.

Резиновая уточка, почему-то не понравившаяся Маше с самого начала, копотью украшала потолок «девчачьей», и плевалась огнем, словно фугас, уже занялось ватное одеяло, на котором обычно пеленали маленького человечка. Кажется, Максим пытался что-то сделать. Лил воду, бил покрывалом по пламени, ощущая в ударах полную пустоту. Огонь был податлив и прожорлив. Бороться с ним – одно сплошное удовольствие. С треском прогорела и сломалась ножка многопользовательского манежа. Притихшая Машка, прежде молчаливо наблюдавшая, как старший брат играет в пожарного, даже не заплакала, а просто закричала, как кричат обычно младенцы, привлекая к себе внимание. И стало ясно, что своими усилиями пожар ни за что не потушить, плевать на всё, бежать отсюда, спастись из всех ног, пожар лучше всего выглядит со стороны, снаружи...

Сознание подростков о ту пору бесцеремонно занимали рублёвые видеофильмы (рубль пятьдесят – с булкой лимонада и парой конфет). Подобно фениксу, восставшему из пепла, Максим покинул пылающую квартиру с младшей сестрой на руках, чувствуя, как сзади обгорают длинные, вопреки пионерскому уставу, волосы. Пламя не тронуло ни его, ни Машку, девочка даже коснулась крохотной ладошкой разрушительного огня, впрочем, эту деталь Максиму вполне могла подсказать фантазия, а потом, на безопасной клумбе с георгинами, свирепо охраняемыми дворником и его сумасшедшей женой, он удивлялся хладнокровию, с каким наблюдал за разошедшимся пожаром в родительском доме. Малышка уютно гукнула. Пламя отозвалось тем, что надавило на стекло изнутри, на асфальт посыпались осколки, невероятно пронзительный звук, падающие осколки стекла. С этим звуком весь мир прежде застывший, подчинённый пожару, пришёл в движение, заголосили люди, затеребили остолбеневшего мальчика: «Максим, где твои родители? Максим, когда отец возвращается с работы? Максим, когда вернётся мать?». Кто-то взял из его одеревеневших рук шестимесячную Машку, – не в силах произнести и слова, он сделал шаг назад, наступил на край пелёнки, так и не научился пеленать сестру...

Тогда, кажется впервые с момента появления на свет маленького существа по имени Машка, Макс осознал, что держит в своих объятьях родную плоть, кровь от крови его, часть его души и сердца. Несколько позже он понял, что это – навсегда...

– Не спится? – без иронии поинтересовался Максим. Было одиннадцать часов утра, дежурная шутка. Рита, поздно возвращавшаяся с работы, редко когда просыпалась раньше полудня.

Все попытки проверить тем ли промыслом занимается его подруга, о каком ежедневно трепалась с подругами, пока были тщетными (работала певичкой в ресторане), однако и дедуктивного метода не требовалось для однозначных выводов, хватало старенькой расстроенной гитары, неизвестно от кого оставшейся в арендуемой однокомнатной квартире.

Рита была начисто лишена музыкального слуха.

Кто у неё был ещё, было ли их несколько, зачем, вообще, она нужна ему, – Максим не задумывался об этом до вчерашнего дня, когда стало ясно, что Рита помогала ему коротать время в ожидании Московского поезда. Другого предназначения для неё придумано не было.

– Ты никуда не едешь?

– Нет.

Принялась кусать губы. Знакомая дурная привычка, переставшая его раздражать. Милая, ты можешь содрать губы вместе с дёснами, – я всё равно уже никуда не поеду. Должно быть, намечалась корпоративная вечеринка по случаю его длительного отсутствия. Отметить мероприятие телефонным звонком было чревато длительными объяснениями, с тем же уродованием собственных губ. На удивление быстро собравшись, Рита ушла – «за продуктами». Наверняка продукты продавались у первого ближайшего таксофона...

С момента, когда Макс увидел замерзшие слёзы на ресницах сестры, вчера ещё бывшей подростком, Маша не произнесла ни слова. Слушала его злые отчитывания, блуждая взглядом больших синих глаз по обстановке убогой кухни; несколько чаще взгляд останавливался на газовой плите, заставленной кастрюлями и сковородками, на газовой плите. «Ты голодна?», – рявкнул Макс, где-то в районе десяти часов. Она быстро и коротко кивнула, смешав густые русые кудри, ненароком предъявив старшему брату целый набор образов-свидетелей преступлений. Местом преступления были их родительская семья...

Ребёнком, её никогда не укладывали спать в определённое время, ждали, когда уснёт сама, перед телевизором, или же в куче игрушек. Интересно, откуда в девочке столько своенравия? Интуитивно Максим чувствовал затаённый страх матери, граничащий с ужасом («Чуть что не так – сразу поджигает!»), но ничего не поджигалось, ничего не воспламенялось, и этим самым Маша выдавала свою неправоту в бессмысленных стычках с родителями. Отец отличался бесцеремонностью, не чурался примитивных наказаний для дочери, и сотни раз обещал отрезать «длиннющие патлы к чёртовой матери, чтоб не орала, на всю хату как резанная!». В такие минуты Маша начинала визжать, действительно, как резанная, оберегая свои волосы, обнимая их обеими руками, не зная, откуда ждать атаки тяжелых портняжных ножниц. Дело доходило до ультиматума, или терпи, или ходи стриженной. Маша терпела. И почему-то не желала сама браться за расческу. В глазах стояли слёзы, дрожали детские губы, – от боли, а не от обиды. Зато потом, когда всё заканчивалось, она уверенно вырывала расческу из материнской руки, и могла допоздна сидеть перед зеркалом, и играть со своими длинными волосами, уже приведёнными в порядок. Она учила своих подружек расчесывать саму себя. Ни у кого в их дворе и в её классе не было волос такой длины. Искусству расчесывания она учила своего старшего брата. От корней. И далее, придерживая рукой, чтоб не потянуть невзначай. Машка, подожги хоть что-нибудь, хоть вон учебники на столе лежат, или лучше дневник с «неудом» по поведению или «двойкой» по географии. Ну, чего тебе стоит, Машка? Ты ведь как зажигаешь – щёлк! – и гори всё синим пламенем, все беды и несчастья, что выпадают на судьбу учащихся средних классов...

Очень сильно похожа на мать, говорили говорливые бабушки, всё это внешне, сугубо внешнее сходство. Через десятилетия, через какого-то Богом забытого древнего предка настиг редкий дар русоволосую красавицу, чаще – слишком сосредоточенную и увлечённую, реже – весело смеющуюся.

Русалка с умным лицом, говорил отец, и получалось, что другие соблазнительницы с рыбьим хвостом, обитательницы древних водоёмов, – дуры набитые, ни читать, ни писать не умеют.

Маша очень рано научилась и тому, и другому. Симпозиумные доктора рекомендовали искать для девочки долгоиграющее увлечение, – чтение стало тому подобным, но не могло увлекать круглосуточно. Быстрому забыванию подверглось вышивание вкуче с рисованием. Та же участь постигла другие виды рукоделия. Осторожными, робкими шагами в их квартиру про-

бралось чёрное, основательно потрёпанное в чьих-то ухаживаниях пианино с вечно расстроенным фа-диезом во второй октаве. Как назло самые тяжёлые элементы благородного инструмента были сделаны из тугоплавких материалов...

- Чтоб дома сидела, двери никому не открывала и никуда не выходила!
- А если Саша... придурок этот сюда придёт?
- Никому!

Кажется, она подавилась чаем. Грозным рыком начав новый день для своей сестры, изгнанной из чужой квартиры, Макс с ненавистью погрузился в пасмурное безжалостно выстуженное утро...

Почему-то все начальники в перспективной проекции представляются всегда крепкими мускулистыми мужиками-прорабами, с выбритыми головами, мясистыми затылками и татуировкой на бицепсах. Вполне логичный портрет, сопряжённый с шлюхастой секретаршей в мини-юбке, уже без трусиков, в наглухо застёгнутых туфлях на высоком каблуке. И вот потом, когда встречаешь сутулую, плешивую особь, сопряжённую с письменным столом (ничего живого и сексуального вокруг больше нет), недоумеваешь, укоряя собственное воображение: ну что же ты так?..

- Ты же знаешь, мы тебе замену готовили, – сказал Творожков.
- Знаю, – подтвердил Максим.
- На поезд опоздал?
- Пусть будет, – опоздал...

Начальство вздохнуло. Взглянуло на часы.

– Сегодня Людка за тебя всё сделает. Только – во второй половине дня... У тебя бабушка умерла?

- Нет. Не хочу ехать, и всё... Нету там ничего, выдуманно всё. Как Париж у Веллера.
- Веллер так написал, потому что сам в Париж не ездил. А написано для лохов, вроде тебя.
- Я не лох, – резковато для разговора с начальством, отозвался Макс.
- Гордые какие! И в Москву не поехали, и фирму бросили!
- Я вещи пойду только соберу и уйду...
- Ничего ты тут не соберёшь, пока я не скажу, – весомо произнёс Творожков.

В офисе ничего не нужно было объяснять, потому что на столе Макса лежала записка: «Звонила Марго». Она ненавидела, когда её так называли, говорила, вернее, верещала, что чувствует на губах кислый привкус маргарина. По мнению Макса – не самый скверный вкус для певички из кабака, при отсутствии музыкального слуха. Если звонила, значит здесь все уже в курсе отступления от Москвы.

– Аллю...

– Это я. Что-то случилось? – он машинально хлопал ящиками стола, соображал, что нужно забрать отсюда.

– Ничего не случилось, – узнав своего сожителя, Рита немедленно набрала в голос гнева, – вот как зачёрпывают специальным совком крупу, чтобы взвесить её и определить: хватит, отсыпать, или добавить?

- Она у нас будет жить?
- Да.
- А может, ты её в Москву с собой возьмёшь?
- А может, ты закроешь свой рот, и свалишь в свой кабак?

Не было никакого кабака. Ни Парижа, Ни Москвы, ни Риты, ни кабака, – ничего это не было. Сколько раз и Макс, и Маша, ни пытались строить свою жизнь самостоятельно и отдельно, всегда возвращались друг к другу, отрицая собственные старания. Можно поискать намёки на половое влечение, – уже банальность, человечество стало слишком взрослым, чтобы

подобными штуками его можно было шокировать. Можно указать на ущербность их родительской семьи, – но ни того, ни другого, не было и в помине, оставьте свои бесполезные учебники по психологии, успокойтесь и завидуйте: у меня есть старший брат – у меня есть младшая сестра...

Сколько раз их принимали за отца и дочь! Индустриальный посёлок, подобные семьи – на каждом шагу. В очереди, у пузатой желтой бочки, за прогорклым трёхкопеечным квасом, протянута в их направлении ладонь с угольной пылью под ногтями: «Пустите без очереди папашу с малюткой!». Макс также смеялся со всей очередью, озираясь в поисках объекта насмешек. Раскаленную солнцем площадь прорезал детский крик: «Это – мой брат! А мой папа – инженер, его тут с нами нет!». Всё равно пропускали без очереди, слишком серьёзную русалку с пышным бантом на голове и её старшего брата.

Симпозиумы были до лампочки. Двор блистал уникамами: в одном с ними доме жил мальчик-эпилептик, в одном классе с Машей училась девочка во сне выискивающая неизвестность, освещённая светом холодной Луны. Уникумов дважды в год увозили в неизвестном направлении, откуда они возвращались лишь для того, чтобы нагнать сверстников в учёбе, и вновь погрузиться в собственный мир. Рассказывая о них, Маша обязательно крутила пальцем у виска, автоматически считая их уникальность со своей доски, в чёрную и белую клетку. Один угол уже тронут языком пламени (однажды в сложной шашечной партии Максим ловко спрятал вражескую дамку в закатанную до середины голени штанину).

Для Маши было приготовлено другое место, за пределами Москвы, с её университетами, клиниками и профессорами, о том месте не слышала даже Роза Иосифовна, знавшая обо всём на свете.

Неуклюжий и коренастый Евгений Фёдорович Киселев, несмотря на свою полноту, в их доме появился просто и естественно, – так приходят маляры и сантехники, – и, казалось, занял своими габаритами всю прежде пустовавшую площадь. Он цепким взглядом осматривал обстановку обыкновенной четырехкомнатной квартиры, приводя в волнение хозяйку одной лишь дурной манерой держать руки в карманах брюк при расстёгнутом плаще. То был взгляд профессионального пожарника, потому что Евгений Фёдорович спросил: «В доме есть огнетушители?». Конечно, есть. У мужа в гараже, в автомобиле, который продали за долги, как продали квартиру, и чуть не продали друг друга, да вовремя развалилась семья, момента рабства в цивилизованном двадцатом веке так и не наступило...

...Молодой человек! Да, вот вы, в поношенном пальто, с растрёпанными волосами, в заляпанных грязью брюках и изношенных туфлях... Да, вы... Пожалуйста, отойдите немного в сторону, скоро здесь проедут очень важные персоны, вы, я вижу, понимаете, ви-ай-пи, и прочие понты и вы, в своём наряде можете всё испортить...

– Извините... я ищу сестру, – пробормотал Максим.

Как только крупье объявил «ставки сделаны», выяснилось, что кроме родительских долгов (при живых-то родителях!), ставить нечего. Отец однажды уехал на заработки, через время выяснилось, что отсиживается у своей матери в деревне, ожидая, очевидно, конца света, или моментальной смерти всех кредиторов на свете. Мама изредка напоминала о себе телефонными звонками из ниоткуда, думая больше о качестве международной связи, нежели о своих детях. Единственным критерием в выборе спутника жизни для Макса и Маши стала крыша над головой. Надо заметить, девочка, в сравнении со старшим братом, делала существенные успехи...

Не слишком ли меркантильно – для семнадцати лет?..

– Что я такого сказал? Я ничего не сказал, она с матушкой моей поцапалась, – сказал Саша. Саша на машине. Макс паялился на авто молодого человека, и, оттого, что направления

взгляда не изменил, казалось ему, будто перемирие он восстанавливал именно с транспортным средством, а не с человеком.

– Да ладно... Холода сейчас, а вы собачиться вздумали, – сказал Макс.

– Да кто собачился?! Я же горюю: я и слова не сказал. С матушкой моей...

Саша переступал с ноги на ногу. Единственный ребёнок в семье. Если родителям и будет что на него оставить, то явно не долги.

– Перекантуется у меня недельку, – заговорил Максим, устав лицеизреть авто и слушать его владельца.

– Так она у тебя?! – завопил единственный ребёнок в семье.

– Нет, конечно, с чего ты взял? – равнодушно отозвался старший брат Максим.

Маша была более категорична.

– Я к ним не вернусь!

– К ним? – удивился Макс. Рабочий день конторского служащего (сволочи, подавленной крупным обломом) сделал из него бескомпромиссного сноба.

– Ну... Их там – семья, – Маша зловеще сверкнула глазами.

– Ага. Мафия, одним словом. Делай, как считаешь нужным, если нравится на диване втроем спать...

Минувшей ночью – вот была потеха. По каким-то незаявленным причинам Рита отменила своё дежурное кабацкое выступление, весь вечер проторчав дома. Никто ни с кем не разговаривал, лишь перед сном немзыкальная певичка закатила сцену: «Она с нами в одной постели будет спать?!». «Если есть еще одна, – покажи, не скрывай своих достоинств». «Пускай спит на полу! Неля спала!...». «Неля, может, и спала. Нелю, если постараться, вообще, можно вчетверо сложить, и в чемодан уложить...».

Уже при погашенном свете, обратив лицо к потолку, Макс бесцветным голосом произнёс: «Спокойной ночи». Рита отвернулась к стене. Маша сказала: «Спокойной ночи». Была воспитанной девочкой. Посмотрите, какая у меня классная младшая сестра.

Классе в шестом или седьмом, постоянно читающий всякую муть Антоша сказал своему другу Максиму: «Ты это... сильно не зарывайся со своей сеструхой...». Это могло означать лишь одно: Машка в очередной раз вскипятила воду в аквариуме, который украшал содержимое детского сада, в который она ходит⁷⁴, естественно, не желала. Антон помотал головой из стороны в сторону, и дал Максиму какую-то «американскую» книжку, где чёрным по белому рассказывалось, кого именно могут интересовать девочки, владеющие искусством пирокинеза. Согласно той книжке, Евгения Фёдоровича Киселёва следовало гнать из дома калёной метлой (а ну как украдёт Машку, и начнёт на ней эксперименты ставить?!), но родительский дом уже был укомплектован индикаторами дыма и огнетушителями, а в «девчачьей» комнате стояло пианино со специальным покрытием.

Личный музыкальный инструмент в шесть лет – совсем неплохо.

Когда поставки благодетеля Киселёва приняли характер стабильности, стало и вовсе трудно представить себе Машку, обвешанную датчиками, исколотую шприцами, напичканную таблетками. Киселёв был кладезем для обывателей, мог в любой момент раздобыть путевку в пансионат на берегу моря (правда, только Чёрного), или талон на приобретение автомобиля (правда, только «Запорожца»). Появления Киселёва были схожи с грубым вмешательством сценариста (никак не режиссёра): пришёл, взглянул на происходящее, сверился с записями, перед исчезновением удовлетворенно хмыкнул, – даже если полыхала школьная раздевалка. Верхнюю одежду там выдавали в специальное окошко, всем по очереди, а впереди Маши какой-то хмырь влез без очереди. Разве так можно? Товарищи, всегда нужно соблюдать очередь. Даже если вы единственный ребёнок в обеспеченной семье.

Мама не могла найти слов, чтобы отблагодарить Евгения Фёдоровича. Папа ревниво скрипел зубами, и многозначительно интересовался, не играет ли тот в шахматы. Забавнее

всего было наблюдать за общением Киселёва непосредственно с «Объектом “А”». Вернее, общения никакого и не было. Смерив взглядом хрупкое существо метр двадцать ростом, в год прибавлялось сантиметров по два-три, лицо Евгения Федоровича оведала тень, как будто он сомневался: что, девочка, действительно умеет поджигать, всё, что захочет? Что вы говорите!

Не всё, что захочет. А что ей на глаза попадётся в тот момент, когда ей что-то не нравится...

Однажды загадочный Евгений Федорович в буквальном смысле слова выскочил из-за кустов, когда семья из четырёх человек отдыхала в очередном пансионате на берегу моря. «Где моя лошадка?», – спрашивала Маша. Вздвигалась на спину старшего брата, и на нём верхом отправлялась на пляж, ловко обминая отдыхающих обывателей, – все расслаблены, все в белом, – ослепительно белый Евгений Фёдорович спустился по склону на набережную, можно было подумать, – проходил мимо, решил навестить милое семейство. Ничуть не тронутый загадом, он словно сошёл с группового снимка, где был представлен какой-нибудь писатель-классик (Бунин, возможно – Горький) со своим дачным окружением. Лихости ради Максим ссадил Машу на невысокий бетонный бортик, за которым начинался песчаный пляж. В ярком платьице, соломенной шляпке она исподлобья смотрела на человека «из безопасности» и ждала, когда тот первым скажет «здравствуйте». Совсем не умела кокетничать. Не нуждалась в подобных пустяках, даже став взрослой. Приветствия не прозвучало. Сухо осведомившись, где их родители, Киселев направился к корпусам пансионата. Маша украдкой показала ему язык. А на следующий день её вместе с мамой увезли в Клинику...

– Ты в Москву хотел ехать? – спросила Маша.

– Да.

– Ну и зря. Там сейчас холодней, чем здесь.

– Слушай, не...

– Ладно, ладно, молчу...

Отвлечённо перебирая содержимое большого картонного ящика заменявшего в квартире не то секретер, не то тумбы письменного стола, Макс чертыхался в душе, натываясь на очередную недостачу. Из всех денег, Рита взяла ровно половину, вернее Макс думал, что половину, никогда не знал точной суммы их совместного бюджета.

– Фотки забрала, – произнёс он. – На фиги ей мои фотки?

– Чтоб не скучать, – пояснила Маша.

– С фотками только и делают, что скучают. Смотри, вот ты, – он протянул ей снимок: перед выпуском из училища опять нарядная и яркая. На левом колене ссадина. Едва ли не на всех снимках Маша где-нибудь, но обязательно была украшена или ссадиной, или синяком, или царапиной. Макс готов был поспорить на что угодно, что, вот, стащи он сейчас с младшей сестры весь зимний домашний комплект одежды, непременно обнаружится след контакта с острым и твёрдым предметом. Правда, потом придётся очень долго доказывать, что никакого полового влечения к младшей сестре и в помине нет.

– Мои все картинки у Сашки остались. Надо забрать, – сказала Маша без видимого сожаления.

– Подожди пока. Ещё вернешься. Он мне на работу каждый день звонит.

– Не вернусь. Потому что он дурак. И друзья его такие же дурачки. Я тебе рассказывала, как мы на свадьбе у одного его друга были?

Макс усмехнулся.

– Могу себе представить: свадьба в политехе, – пробормотал он.

– Что ты взъелся на них? – с неуверенным возмущением поинтересовалась Маша.

– Ступы они там все. Их по всем крупным универсам мира протаци, сюда вернутся, – всё равно будут путать оперный театр с драматическим.

Максим задвинул ногой коробку под стол, сидя на полу, раскрыл шифоньер, внутренности которого улыбнулись ему печальной и широкой улыбкой полупустоты. Выглянув из-за дверцы, Макс закончил мысль:

– ...а на богемной тусовке ляпнут следующее: «господа, был накануне в опере, композитор, кажется Гоголь, называется, если не ошибаюсь, «Ревизор»»...

Машка захихикала, перекатилась по дивану к стене.

– Говоришь, «возвращайся», а сам опускаешь его ниже плинтуса, – заметила она отсмеявшись.

– По местному времени, и выпускник политеха – богема, – изрёк Макс. Шифоньерные пустоты гулко подчеркнули его слова.

– Ты шмотки свои когда забирать собираешься? – спросил старший брат. Зазвонил телефон.

– Я отвечу, – Маша соскочила с дивана.

– А если это Саша? – коварно усмехнулся Максим.

– А если это твоя красавица? – отозвалась Машка. При ходьбе босиком звонко топала ногами. Отца, разбуженного ранним утром, топание это сводило с ума...

Намереваясь сосредоточенно делиться воспоминаниями, Маша обычно хмурила лоб, переводила взгляд с одного предмета на другой. Но руки, с переплетенными пальцами оставались неподвижными, как если бы она хотела рассказать длинную поучительную притчу, ради которой всем нужно устроиться поудобнее, не пропускать ни единого слова. После посещения Клиники, для Макса и всей дворовой ребятни, пожалуй, она стала надёжно запертым ларцом. Подбери к нему ключ, и, подобно крупным алмазам, по полу заскачут все те приметы бесчеловечного обращения с людьми, щедро поставляемыми нам липовым бородатым бунтарем из Новой Англии: датчики, шприцы и таблетки. «Там был олень! – воскликнула Маша, сверкнув большими глазами. – Там трава, высокая, почти с мой рост! Он потому что не видел меня в траве, потому и вышел! И смотрел на меня! А меня мама позвала, он испугался и убежал!».

К серьёзной русоволосой русалке из дремучего леса вышел молодой красивый олень, но влюбиться в русалку не успел, потому что оказался слишком пугливым. Зато были записочки: «Машка, не ходи сегодня домой с Игорем, у него уши волосатые!!!»; «Маша, ты зачем Сереге улыбаешься и учебник его гладила по геометрии?». Школа боролась за звание высокоморального учебного заведения, Макс помнил, как подобные сообщения, нацарапанные нервными беглыми почерками, вслух зачитывала завуч на общешкольной линейке. Вот смеху-то было, – до того момента, пока не зачитают твоё собственное сообщение, сугубо личное, на грани комсомольской интимности.

Как было во времена школьного детства Маши, он представления не имел. Разница в возрасте, аккуратные десять лет. Старший брат получает аттестат, – младшая сестра впервые в жизни примеряет парадный фартук перед зеркалом. Через год отменили школьную форму. Ещё через пять лет ввели новую: мальчики в бардовых пиджаках стали похожи на крупье, девочки в синих платицах – на горничных из четырёхзвёздочных гостиниц.

Одно из пост школьных посещений Макс запомнил ярче остальных: истеричный звонок по телефону, там долго не могли понять, кто он такой, он долго не мог понять, чего от него хотят, там решили, что ошиблись номером, и трубку бросили. Минуту спустя, перезвонили вновь. Бывшая классная руководительница, довольно связно, учитывая случившееся, попросила Максима немедленно явиться в школу.

Циновки в спортивном зале. Легко воспламеняющиеся, удобно сложенные в углу просторного помещения с высокими потолками. На стыке потолка со стеной располагались квадратные отдушины, некоторые залатанные металлическими решетками, некоторые нет. Когда физрук удалился на время в свой «кабинет» (цитата), обладая баскетбольной меткостью, какая

неграм из Гарлема и не снилась, запускали мяч в зияющую пасть отдушины, а после уроков по сложным лабиринтам вентиляционных ходов, проникали к отдыхающему в отдушине мячу...

Она сидела в дальнем углу спортзала. Она просидела там более часа, прямо на полу. Уроков физкультуры больше не было. Погасив полыхающие циновки, ни пожарные, ни педагоги не осмелились трогать ученицу восьмого класса, смиренно сидящую в углу, в ожидании своего старшего брата. Совершенно сухими, но полными боли и вины глазами, Маша смотрела в одну точку. Появления Макса она не заметила, даже когда он присел перед ней на корточки. «Идём домой», – сказал он. Она не пошелохнулась. Он взял за руку, привлёк к себе, – только так она словно очнулась от сна, затрепетала, не в силах подняться на ноги, прижалась к нему, оставаясь стоять на коленях. Плакала очень тихо и очень редко. То был первый случай, когда Киселёв не явился немедленно при возникновении пламени. Его более не существовало, как не существовало большой и старой страны, как не было больше большой и крепкой семьи...

– Максим, не нужно туда ходить, ну её в болото, пускай подавится своей квартирой...

– Это не её квартира, – рявкнул Макс.

– Тем более, не её и не твоя, ну её, – Маша семенила за ним по обледеневшему тротуару. В зимней обуви на скользкой плоскости, она чувствовала себя несколько увереннее старшего брата. Макс компенсировал все недостатки решительными намерениями. Хозяйка квартиры сказала: до субботы. Оказывается, она сдавала жилплощадь молодой паре, а не брату и сестре. Какая разница, спросил Максим, деньги те же самые. Большая разница, сказала хозяйка. Риту она знает с пелёнок, какую-то сестру в глаза никогда прежде не видела, не было разговоров про какую-то сестру...

– Ну, хочешь, я с Сашкой помирюсь, вместе у них жить будем? – выпалила Маша окончательный вариант мирного исхода конфликта «молодой пары».

Это Ритка-то молодая?!

Да из неё песок сыплется, блин!

Разница налицо: квартира, которую Макс снимал на пару с Ритой не была ярким и пёстрым пятном. В ней можно было кричать друг на друга, швырять вещи и обратиться немедленно, при первой же возможности. Кабак, где пели певицы без музыкального слуха, был именно пятном, путь тусклым, с застоявшимся, режущим глаза запахом, но пятном.

А ещё там был охранник...

– Подожди, не вставай, у тебя за воротник попало, – голос Маши дрожал, возможно, были и слёзы, берет девочка надвинула на самые глаза.

– Всё, поднимайся. Я же говорила...

– Мне намного легче от твоей говорильни, – заверил её Макс, и не думая выбираться из сугроба. – Сука. Стервоза вокзальная.

– Это ты о ком? – поинтересовался охранник. Как раз собирался захлопнуть тяжелую металлическую дверь, чутко среагировал на комплимент.

– О той бляди, которая работает с тобой в одном борделе, – подтвердил его подозрения Максим.

– Я щас...

– Максим, идём, идём, на трамвай не успеем, – заторопилась Маша.

– Всё равно сука. Сожги, Машка, их бордель к матери растакой, – буркнул старший брат.

– Сожгу, сожгу, только идём отсюда...

Ничего не изменилось бы, даже если бы он сам достал Риту. Надо было искать крышу над головой, а не справедливость.

– Ты где прописана? – спросил он у сестры, когда вместе с ощущением мороза к нему вернулись бытовые проблемы.

- В общежитии, – ответила девочка, догадываясь, к чему он клонит.
- В той же?
- Ага...

Получение паспорта в отсутствии родителей – проблема здоровенная. Неискушённый в бюрократии Макс, превратился в загнанную лошадь, пытаясь узаконить положение младшей сестры в обществе. Его гоняли из кабинета в кабинет, из учреждения в учреждение, пока, наконец, словно по мановению волшебной палочки, стали покрываться нужными печатями и подписями нужные бланки и справки. Для голливудского лоска не хватало только белозубых улыбок на цементных лицах чиновников. Макс не вникал в детали паспортного волшебства, ему казалось, что в своём марафоне он намотал положенное количество километров, потому и раскрылись все двери, снялись все преграды.

Машу прописали в четвёртом общежитии универа...

– Там, если коменда не сменилась, то всё отлично будет, – говорила она, оптимистично шагая по заснеженной аллее студгородка.

– Всё отлично будет, если у них комнаты найдутся, – хмуро возразил Максим.

– Комнаты всегда у них есть. Резервные. Мне Саша рассказывал. На всякий случай. Вдруг иностранцы какие-нибудь приедут, или комиссия учёбу проверять. Ты, главное, в глаза ей не смотри. Ты на людей смотришь, как на отстой какой-то.

– Они и есть отстой. Особенно взрослые...

Не слишком ли радикальное мировоззрение для человека, полчаса назад въехавшего головой в сугроб?

Их приняли ни за иностранцев, ни за комиссию; их приняли за обыкновенных любовников.

– Мы брат и сестра, – сказала Маша, прекрасно зная, каким будет следующий вопрос.

– А почему фамилии разные? – спросила неизменная комендантша общежития номер четыре.

– Я замужем была, – быстро произнесла девочка. – Потом развелись, а я фамилию мужа себе оставила.

– Дитё, – комендантша сверлила её глазами-шурупами поверх толстенной оправы очков, – ты кому мозги компостируешь?

– Пошли отсюда, – обронил Максим, и шулерским жестом выдернул паспорта из цепкой пятерни бывшей вахтёрши.

– Почему она мне не поверила? – жалобно спросила Маша, выйдя на крыльцо.

– Потому что ты молодая красивая и свободная, – охотно разъяснил Максим. – А она – старая, уродливая и двумя семьями обвешанная. Ты ничего не заметила?

Маша нахмурилась.

– Где?

– Там, в общежитии, – Макс кивнул за спину.

– Не-ет.

– У неё стёкол в очках нет, понты сплошные, – он вскинул руку, взглянул на часы. – Мне на работу пора. Придумаешь чего-нибудь – звякни...

– Подожди, – сказала Маша каким-то сонным голосом, рассеянно смахнув снежинку с длинных ресниц...

...Сумеешь выскользнуть из прожорливой пасти прошлого, – полдела, считай сделано. В таких случаях большущая глупость, лишать себя объектов, которые о пасти той напоминают. Казалось бы, всё налажено, изъяты все элементы позорного прошлого, а вот выскакивает, соответствуя лучшим традициями дешевой драматургии, в самый неподходящий момент, какая-

нибудь миленькая безделушка, например, сувенирная матрёшка, и всё старания насмарку, хоть плачь.

Центральные районы больших городов чреватые подобными сюрпризами, подобными пыльной белой суфлерской будке, откуда прямым ходом можно попасть на ярко освещённую сцену, прямо в оглушительный шквал зрительских аплодисментов. Поклон. Ещё поклон. Цветы от девочки в нарядном платье. Всё, можно уползать обратно в будку...

– Я тебя здесь подожду, – сказал Максим. Сестра кивнула, согласившись машинально. На верхней ступеньке крыльца переговорного пункта, спохватилась, взмахнула руками, едва не выпустив свою зимнюю гордость – муфту.

– Продрог совсем, пошли внутрь, там тепло!

Заматав головой, Макс отвернулся от многочисленных зеркальных дверей, отразивших и его, и Машку, и центральную улицу большого города, довольно оживлённую, несмотря на мороз...

Не было ничего хорошего в междугородном, международном, недавно, между прочим, отремонтированном переговорном пункте. Брат и сестра приходили сюда для разговоров с матерью, напоминавшей о себе из неизвестности. Маша, ещё не излечившаяся от любви к родителям, таскала сюда Макса с большим энтузиазмом, как будто была уверена, в том, что однажды, одна из полусотни кабинок откроется, и изнутри выйдет и мама, и папа, и все атрибуты праздника под названием «полноценная, крепкая семья». Праздник так и не вернулся. Однако переговорного пункта Максим избегал совсем по другим причинам...

Озлобленный и циничный, ему было двадцать четыре или немногим более, когда начал получать официальные напоминания о том, что у него есть младшая сестра, и он ответственен за неё, даже не в какой-то степени, а целиком и полностью, по случаю полной дезактивации родителей. Междугородные телефонные сигналы не считались. Это походило на игру в шпионов на кухне коммунальной квартиры. Обычной почтой приходил бланк, тяжёлый, уверенный текст, схожий с инструкцией, приложенной к сложному псевдонаучному устройству, которое чья-то светлая голова решила внедрить в обывательскую среду. Макс подписывал эти бланки, почти не считается, так профессиональный врач выписывает рецепты, без осмотра пациента. Потом голос младшей сестры щебетал в телефонной трубке: «Я уже вернулась!». Откуда – Макс не забивал свою голову подобными вопросами. Потому что был озлоблен и циничен, и свои собственные проблемы казались ему куда важнее возвращений сестры из лап грозного Бюро Аномальных Явлений.

А потом Маша потащила его на переговорный пункт. С поразительной ловкостью и умением обращалась она с телефонными аппаратами (тоновый или цифровой набор – ага-а, глобальная проблема, мой единственный, старший брат). Макс не сомневался в том, что Маша сумеет дозвониться куда ей нужно, даже если в то место ещё не успели проложить проводов. В тот злополучный день, нашедший себе место в пасти прошлого, ей самой было тяжело, она записала последовательность набора на обрывке афиши сообщавшей о выступлении Софии Ротару.

Для семнадцатилетнего ребёнка телефонный автомат приходится громоздким, мрачным ящиком, на кнопку «нажимать после ответа» Маша могла давить и локтем. Надавив, передала трубу из своего плеча Макс. «Я не могу приехать», – сказал Евгений Фёдорович. «Куда?» – тупо спросил старший брат Максим, также тупо наблюдая краем глаза, как его сестра легко и медленно покинула будку, перетерпевшую немало человеческих секретов.

Четырнадцатилетняя девочка Маша не имела права знать все секреты о самой себе. Перед порогом совершеннолетия от мальчиков и девочек скрывают миллионы секретов. Всегда есть обходные пути, но также существуют и железные двери, отрицающие одно только предположение о нарушении запрета.

В тот день Максим возненавидел Киселёва. Примерно треть жизни, сказал тот. Примерно. Доктор вымышленных наук, трижды проклятый Евгений Фёдорович сказал: «Примерно». Около того. Почти. Говорил не о себе, не о своих детях, не о своей семье, поэтому у него получилось сказать с небрежной легкостью: «Примерно». Таким видел его Макс не зная, чего стоил Киселеву тот телефонный звонок, но зная, чего он будет стоить Маше. Господь всегда слишком уверен в своих поступках. Он благодетельствует с неожиданной стороны, и также неожиданно отнимает своё. Всё, что он мог отнять у маленькой Маши – это часть её маленькой жизни, как плату за умение время от времени поджигать различные вещи. Вполне равноценная сделка, – если учесть несовершеннолетие одной из сторон на тот момент, когда договор вступил в силу...

– Вот смотри, – радостная и совершеннолетняя Маша сбежала со ступенек, протягивая брату очередной обрывок с мало разборчивыми каракулями. Переговоры заняли ровно столько времени, что Макс, основательно продрогнув в ожидании, готов был убраться куда угодно, лишь бы в тепло. Краем глаза заметил большие буквы: «Губа».

– Это «Губернские Ведомости», здесь недалеко, – дрожащими губами произнёс он.

– Да? А может «Губернские Вести»? – с сомнением отозвалась Маша.

У газетного киоска, окна которого были украшены морозными узорами, они выяснили, что оба издания, и «Вести», и «Ведомости», имеют много общего, и даже расположены по одному адресу, в одном доме.

– Разногласия в руководстве? – предположил Максим, не подозревая, как сильно он прав в своих предположениях.

Секретарш можно было принять за сестёр-близнецов. В приёмной – одной на две газеты – они располагались по левую и правую стороны от входа, почти синхронно произнесли «доброе утро».

– Утро добрым не бывает, – пробурчал Макс, дыханием пытаясь согреть озябшие пальцы.

– Скажите, – бодрым голосом начала Маша, – где здесь находится редакция газеты?

– Здесь, – дружно ответили ей секретарши.

– С нашей стороны «Губернские Ведомости», – сказала правая.

– А с нашей – «Губернские Вести», – лучезарно отражая улыбку коллеги, отозвалась левая.

Маша вздохнула.

– А какая разница? – поинтересовался Макс, пока сестра сверялась с записями на обрывке афиши. Ему понравилась та, что сидела слева. Впрочем, правый фланг был тоже ничего: кареглазый, с родинкой у губ.

– Нам нужна газета, где работает Андрей Витальевич, – сообщила Маша. Обе газетные секретарши заметно заскучали, левая даже эффектно и некрасиво зевнула. Правой такой возможности не досталось, поскольку ей пришлось признаться:

– Этот у нас... работает...

После выпуска номера редакция еженедельника схожа с сонным царством. В просторном, запутанном офисе, письменными столами превращённом в лабиринт, Макс не смог сосчитать количество сотрудников. Отчасти потому, что всё пребывало в скульптурном застое, отчасти потому, что стену редакции украшал живописный склон с ползущей вниз улиткой. Бетон, масло, работа неизвестного художника. Причина разногласий в дружной некогда газете для Макса стала ясна, как божий день. Он с трудом удержался от порыва броситься в лагерь конкурирующих «Губернских Вестей», чтобы убедиться: там, на точно такой же бетонной стене, по такому же живописному склону, ползёт точно такая же пузатая колоритная улитка – но ползёт вверх...

Бывает такой тип молодых людей, возрастом уже перешагнувших в ранг тридцатилетней солидности, серьёзности и важности, которые в облике своём оставляют нечто наивно-

простодушное, отчего никакими усилиями не можешь заставить себя именовать их по имени. На века за ними остаётся уменьшительно ласкательный штамп: Боренька, Николенька, Алёксашка. Этому досталось «Андрюша».

– Присаживайтесь, – сказал Андрюша, и, спохватившись, отправился к соседям искать стулья для гостей.

– Да, – произнёс Максим, впервые за весь день осенённый уверенностью: жильё у них будет...

– Тише, – предостерегла Маша, указывая куда-то поверх его голову. Макс посмотрел вверх: большой офис, фанерными перегородками разделенный на несколько маленьких. Зверевы – дураки, сказала Ниночка; в соседнем пенале целовались и жгли примус; да дайте же, наконец, человеку поспать, проревели из крайнего пенала, но в этот момент вернулся Андрюша, волоча за собой пару мягких стульев.

– Почему у вас фамилии разные? – спросил он, изучив их паспорта. – Мне сказали: брат с сестрой...

Пресекая репризы предыдущей ошибки, Макс ухватил Машу за локоть, и признался как на духу:

– Понимаете, я взял фамилию отца, а моя сестра – матери. Так захотела.

– Секунду, – произнёс Андрюша, очевидно услышав какой-то секретный сигнал в инфракрасных областях, и вышел вон.

– Врать нельзя, – с долей обиды сказала Маша.

– Если нет выбора – можно, – возразил старший брат. На своей памяти в присутствии Машки Максим соврал не впервые, угрызений совсем не почувствовал. Для двоих старается, спи, совесть, спокойно.

– Зачем вы наврали? – без обиняков спросил Андрюша, возвратившись в пенал. – Девушка замужем оказывается, была...

От удивления у Макса отвисла челюсть.

– Да мы говорил, как есть, в общезнании, а нам не поверили! – принялась оправдываться за двоих Маша. – Комендантше сказали, а она сказала: нечего мне мозги компостировать!

– Комендантше? – переспросил Андрей.

– Да!

– Такая, с бородавкой, в очках без стёкол?

– Да!

– Угу, – вечная молодость черкнула что-то в блокноте, поучительно произнесла:

– Ей врать можно. Мне – нет. Ясно?

– Конечно, ясно! – горячо заверила Маша.

Макс сидел, как оплётанный.

– Перейдём к делу, – Андрюша отложил блокнот, вынул несколько листов, сшитые степлерной челюстью. – С нынешнего года в силу вступило постановление кабинета министров «О семье». Начиная с первого января, перед заключением брака, жених и невеста обязаны пройти полный комплексный медосмотр, включая профилактику венерических заболеваний и половых инфекций. А что вы хотели? – Андрюша округлил глаза, как будто услышав вопль протеста в свой адрес. – Государству нужны здоровые граждане, а не носители всякой заразы. Правда, коррупция и взяточничество достигли даже высших органов власти, можно предвидеть шаги, на которые готовы пойти брачующиеся. – Андрюша по-лиси прищурился. – Однако не тут-то было. Менее чем за месяц между ЗАГСами и лабораториями, специализирующимся на венерических болезнях и половых инфекциях, образовалась стабильная система взаиморасчетов. Другими словами, выйти замуж с гонореей стоит ровным счётом столько же, сколько и вылечить саму гонорею. Вот так. Если родителям не нужны здоровые дети, значит они не нужны родине...

Оттаявший к концу социологической справки Макс скрипнул зубами, и спросил:

– Если я вас правильно понял...

– Неправильно, – заверил его Андрюша. – Мне нужно было убить время, – самую малость, несколько минут...

Из редакционных глубин послышался грозный рёв, сотрясший, наверное, даже улитку-вниз: «Которые тут без жилплощади?!».

– А теперь – в путь, – многообещающе произнёс Андрюша.

Вместе с широкоплечим высоченным Геной (это он орал на всю редакцию по поводу жилплощади) они составляли взаимодополняющий дуэт, как злой и добрый следователи в детективных романах. Гена могучей рукой рубил воздух, отстаивая право на место под солнцем для своих подопечных; Андрюша лаконично перечислял параграфы из каких-то жилищных кодексов. На стареньком, сотни раз отремонтированном «Жигулёнке», навевавшим сомнения относительно принадлежности данного транспорта к секретной организации, все четверо переезжали из микрорайона в микрорайон, одним только появлением погружая сотрудников жилищных контор в робость или даже страх. Всё равно, наткнувшись на отказ, и с каждой попыткой всё дальше и дальше уходил «Жигулёнок» от первой линии. Когда в поле деятельности ребят из «БАЯна» попала территория районов прилегающих, Максиму надоело штурмовать бюрократические бастионы, он оставался сидеть в автомобиле, где Машка дурачилась на полную катушку: «Улица Беранже? Тут, наверное, одни художники и поэты живут!». Однако дома на улице Беранже не выглядели жилищами творческих личностей, в каждом кирпичике чувствовалось хищение госимущества, как минимум в республиканских масштабах. Машенька оставалась глуха к пояснениям старшего брата, хихикала, как дурочка, и, вообще, вела себя так, как если бы их обеспечили жильём до конца жизни. Плеерные наушники в русых волосах Максим заметил не сразу.

– Откуда плеер?

– Что?.. А-а... От верблюда, – Машка возилась одновременно и с наушниками, и с касетой. – На Новый год подарили.

– Кто?

– Не скажу. Скажу, только, кто не дарил – старший брат, вот кто! – и всё щёлкнула клавишей «плей», хоть трава ей не расти.

В машину втиснулся громадный Гена.

– Дверцей не хлопай, – предостерёг он коллегу.

– Чья бы корова, – отозвался Андрюша.

Сидели в молчании, из чего можно было сделать вполне определённый вывод: ехать им больше некуда.

– Парк остался, – произнёс Андрюша.

– Фёдорыч на Луну отправит, – проговорил Гена.

– Пусть тогда сам в «Губе» работает, – огрызнулся Андрюша. Обернувшись, он спросил у Макса:

– Ты привидений боишься?

– Нет. А они разве существуют? – насторожился Максим.

– Существуют, – Андрюша запустил движок «Жигулёнка»-старичка, – и привидения, и полтергейсты, и инопланетяне, и снежные человеки... Только ты не говори никому...

II

...и путешествия во времени, и пятые измерения, и йети, и лохнесские чудовища, – да мало ли чем занимались в БАЯ, а вот, поди ж ты, с жилищной проблемой полдня справиться не могли, определили, наконец, брата с сестрой в огромную квартиру с сотней комнат – так Максу показалось в самом начале. Второй этаж, единственная дверь направо. С порога квартиры, оглушительные, для масштабов большого города, площади давили на нечто маленькое, не совсем различимое – на двух людей.

– Ну, вы тут приберёте обязательно, – Гена хлопнул Максима по плечу, изо всех сил стараясь не показывать желания убраться отсюда как можно скорее. Его коллега оказался посмелее, торчал зачем-то на кухне, или как там называется комната с угольной печью? К новым жителям старой квартиры он вышел с граммофонной трубой, которую и вручил новому хозяину.

– Обустраивайтесь, короче, – разрешил он. – Если что не так, – пишите к нам, в газету. Обязательно напечатаем в рубрике «Очевидное – невероятное»...

С дружным смехом «баянисты» оставили младшую сестру и старшего брата обживать. Маша была слишком ошеломлена, чтобы заметить их насмешку. Миниатюрные наушнички выпали из её пальцев, закачались в воздухе.

– Вау, – сказала девочка.

– Тихо, – предостерёг Максим, – привидений распугаешь...

Маша нахмурилась.

– Что это играет?

– Твой долбанный плеер.

– Я выключила.

– Значит не твой долбанный плеер.

– Тс-с-с...

Действительно, где-то далеко, не в квартире, хотя быть может, в самой дальней комнате, певуче разливалась мелодия, исполняемая трубой.

– Мг. Привидения и горнист. Классное название, – подытожил Максим...

На первых порах не могло идти и речи о генеральной уборке. Они просто обходили многочисленные владения, обменивались репликами: «Гляди – часы с кукушкой!»; «Смотри – камин!»; «Гляди – кресло-качалка!»; «Смотри – ванная, как бассейн!». Чем детальнее становились их исследования, тем сильнее приближалась современность: «Смотри – пылесос!»; «Гляди – телефон!»; «Смотри – микроволновка!». Вот-вот должны были появиться телевизор с жидкокристаллическим экраном и программируемый утюг, но давайте для начала определимся с количеством комнат: одна, две, три, четыре, пять, шесть, семь...

– ...восемь, – с тихим восторгом завершила подсчёт девочка, трогательно прижимая к груди крепко сжатые кулачки. Тут же запрыгала на одной ноге:

– Чур, я живу в той, где балкон!

– Здесь есть балкон? – рассеяно отозвался Максим, пытаясь дозвониться на работу.

– Или нет – там, где камин!

– Пропылесось сперва везде.

– А ты ковры повыбивай!

– Я снегом почищу.

– А тут на первом этаже ещё живёт кто-нибудь? – спрашивала Маша из третьей, или, кажется, четвёртой комнаты.

– А как же. Трубач с привидениями, – усмехнулся Максим. Ему ответили. Сегодня – вряд ли, мы переезжаем...

Недостатки многокомнатности обнаружились в тот же вечер. Было непонятно, как обстоят дела с отоплением. Батареи еле грели, система запуска угольной печи оставалась загадкой. Даже с распахнутыми шторами днём и включённым верхним светом вечером всё в новом месте оставалось тёмным, тяжёлым и мрачным, тона не хотели уходить в область теплоты, как это было принято в домах с привидениями испокон веков.

Задрав голову, Максим пытался прочесть названия на корешках книг, занимавших полку под самым потолком. Где-то должна быть стремянка. Библиотека, – комната, несомненно, называлась именно так, а не иначе, – не выглядела украшением дома, прежний хозяин пользовался книгами, Максим определил это по отсутствию многоцелевого «Золотого Фонда».

Из ванной босыми стопами прошлёпала Маша.

– Тапочки надо забрать. И пижаму, – сказала она, устраиваясь на диване, расположенном, почему-то посреди комнаты.

– Всё можешь забрать, если мы здесь надолго, – сказал Макс.

– Надолго, – подтвердила Маша. – Андрей Витальевич сказал: в разумных пределах.

– Разум относителен, – пробормотал Макс.

– Ты громко можешь говорить? Тут комнаты огромные...

Махнув рукой на верхний ярус библиотеки, Максим достал пыльный том Тургенева, расположившегося на уровне его глаз, и развернулся на толстом ковре. Маша возилась со своими влажными волосами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.